Виталий Наумкин

Русский дипломат в вилайете исламских святынь в начале XX века

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-229-260

Vitaly Naumkin

Russian Diplomat in the Vilayet of Islamic Holy Sites in the Beginning of the Twentieth Century

Vitaly Naumkin — Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). vinaumkin@yandex.ru

This article endeavors to detect the goals, main tracks and priorities of the Russian diplomacy in a vilayet of the Ottoman Empire — Hejaz, which hosted major Islamic sanctuaries. Religion and politics were tightly interwoven in Russia's diplomatic activities there. Our analysis is made at the micro level, through the official correspondence of a Russian diplomat, Michail Nikolsky, who in the early 20th century served as a secretary of the Russian Imperial Consulate in Jeddah, Hejaz. The article also seeks to examine the influence of the human factor, sometimes wrongfully ignored, but always retaining a powerful presence in real politics. The recent developments indicate that even in the hyper-globalization era, despite the triumph of systemic institutions, the personification of policy remains a phenomenon of a planetary magnitude. The approach followed by the author in this article is akin, to a certain extent, to some anthropological models of historical research and can be also categorized as a kind of political anthropology. The tasks and goals of the Russian diplomacy are determined as a result of close scrutiny of the perused archival documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire of the period of the First Russian Revolution of 1905–1907. Many of these documents are unedited. They tend to evoke the sense of déjà vu *reminding the Soviet/Russian foreign policy efforts undertaken in Hejaz/Saudi Arabia during the Soviet and post-Soviet time.*

Keywords: Hejaz, Russian Consulate, Islamic sanctuaries, pilgrimage, Vali, Sharif, tribes.

Из истории российского дипломатического присутствия в Хиджазе

Область Хиджаз, в которой расположены главные святыни ислама, в рассматриваемый период была одним из вилайетов — провинций Османской империи. В сезон хаджа к этим святыням тогда прибывало от 5 до 16 тысяч паломников из Российской империи и среднеазиатских ханств[1], что в значительной мере предопределяло внимание Санкт-Петербурга к этой области. В 1890 г. Российская империя открыла в Хиджазе свое консульство.

Задачей данной статьи является анализ целей, основных направлений и приоритетов деятельности российской дипломатии в Хиджазе по документам из Архива внешней политики Российской империи, относящихся к начальному периоду первой русской революции 1905–1907 гг. Статья посвящена исследованию именно деятельности российской дипломатии в Хиджазском вилайете в данный период, а не проблем хаджа, о котором написана огромная масса трудов, или внутренней ситуации в этой области, что предопределяет исключительную узость историографической базы статьи.

Анализ показывает, как тесно в работе российских дипломатов сплелись политика и религия. Рассмотрение внешнеполитического курса Российской империи в этой области Аравии на «микроуровне», т. е. на примере переписки преимущественно одного дипломата, позволяет раскрыть влияние на его проведение фактора межличностных отношений (то, что по-английски называется human agency), иногда неправомерно не учитываемого, но всегда игравшего и продолжающего играть немалую роль в реальной политике. События последнего времени показывают, что даже в эпоху гиперглобализации, несмотря на триумф системных институций, персонификация политики остается феноменом планетарного масштаба. Данный подход, хотя и не оформленный в теорию, в какой-то мере близок к одной из антропологических моделей исторического исследования и может быть охарактеризован нами как своего рода «антропополитический». Элемен-

1. Отношение консула в Джидде В.В. фон Циммермана в Комитет Добровольного Флота. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Год 1903. Д. 5310. Л. 28.

ты этого подхода можно обнаружить в работах узкого круга российских авторов, исследовавших рассматриваемую в статье тему[2].

Цели и направления работы дипломатии, выделенные в статье на основе анализа документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, создают ощущение déjà vu на фоне нашего знания о работе советской/российской дипломатии в Хиджазе/Саудовской Аравии советской и постсоветской эпох[3].

После продолжительных дебатов в руководстве МИД о том, стоит ли назначать консулом в главном городе Хиджаза — Джидде — мусульманина (заметим, что дебаты на аналогичную тему точно так же велись в МИД Советской России в начале 1920-х годов, когда здесь учреждалось советское консульство[4]), первым главой императорской миссии в Джидде стал чиновник с необычной судьбой, действительный статский советник[5] Шагимурад Мирясович Ибрагимов. Он родился в 1841 г. под Оренбургом. Обучался в Сибирском кадетском корпусе, участвовал в завоевательных компаниях, служил в Туркестанском крае, в 1890 г. переведен на службу в министерство иностранных дел, где 22 ноября назначен консулом в Джидду. Не успев проработать и года в Хиджазе, консул, не получив надлежащей медицинской помощи, скончался от холеры во время паломничества в Мекку и был похоронен в Джидде[6].

Цели и задачи, возложенные на новое консульство, были определены Российским императорским посольством в Константинополе, которое 13 мая 1891 г. направило Ибрагимову «доверительную инструкцию»[7]. В инструкции говорилось, что цель учреждения консульства состояла «преимущественно в покрови-

2. См., например: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. Москва: Институт Африки, Академкнига, 2001; Очерки истории Министерства иностранных дел России. Том первый. 860–1917 гг. Москва: Олма-Пресс, 2002.

3. См.: Кузнецов В.А., Наумкин В.В. «Дежавю: средневековые мотивы в современной арабской политической мысли» // Вестник МГИМО(У). 2019. 12(4). С. 38–53.

4. См.: *Наумкин В.В.* Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. Москва: Аспект Пресс, 2018. С. 82–88.

5. IV класс Табели о рангах, соответствовавший армейскому чину генерал-майора и флотскому контр-адмирала. Более чиновников столь высокого ранга среди консулов в Джидде не было.

6. *Ишаев Ш.* «Мекка, священный город мусульман (Рассказ паломника)» // Средне-Азиатский вестник. Ежемесячный научно-литературный журнал. Ноябрь, 1896 год. Ташкент: Ф. и Г. бр. Каменские, 1896. С. 63–64.

7. Ибрагимову. 13 мая 1891 г. АВП РИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502-Б. Д. 3312. Л. 4.

тельстве нашим паломникам, ежегодно в значительном числе отправляющимся на поклонение мусульманским святыням в Мекку и Медину»[8]. Консульству вменялось в обязанность наблюдать за паломниками, ограждать их от воздействия «недобросовестных фанатиков», обращая особое внимание на тех русских подданных, которые после совершения хаджа оставались в Аравии на жительство и занимались «обиранием соотечественников».

Под защитой консульства должны были находиться не только российские подданные, «но и уроженцы среднеазиатских ханств, обращающиеся за своими нуждами к России»[9]. Иначе надлежало относиться к тем, кто перебрался в вилайет по политическим мотивам и кого подозревали в причастности к недружественным действиям в отношении России ее старого противника — Турции.

Конечно, влияние, оказываемое в сезон хаджа паломников этими людьми, непосредственным образом затрагивало интересы российских властей. Посольство требовало, чтобы консульство информировало его и о том, какое воздействие оказывала поездка в Мекку и Медину на миросозерцание мусульманских народов вообще и какое значение имело при этом принадлежавшее османскому султану звание халифа, «до какой степени почитается он в различных средах мусульман не турецкоподданных, а также какой вес имеет и приоритет в их глазах его политическое положение как владетеля принадлежащей к составу европейских государств империи»[10]. Заметим, что в этой депеше Османская империя рассматривается как одна из европейских держав. Это объяснялось тем, что в нее входили Балканы — регион, особо важный для Санкт-Петербурга.

Из указания посольства консульству следует, что российская дипломатия смотрела на паломничество к аравийским святыням ислама через призму российско-турецких отношений и с учетом возможности его использования Турцией для разжигания межконфессиональных противоречий внутри самой Российской империи.

Не случайно в связи с вышеупомянутой задачей на консульство возлагалась и обязанность определить «общий размер власти султана в Аравии в смежных с нею землях». Посольство отмечало, что Ибрагимов, сам мусульманин, которому было разрешено посещать святыни, обладал уникальной возможностью заводить

8. Там же. Л. 4–4 об.
9. Там же. Л. 6 об.–7.
10. Там же. Л. 8 об.–9.

необходимые связи и изучать местный быт, однако ему надлежало проявлять крайнюю осторожность, «дабы отнюдь не сделаться предметом наветов опасных и ловких интриганов или не возбудить несбыточных надежд в среде населений»[11].

Помимо выявления прочности позиций в Хиджазе Турции, консулу предписывалось обращать внимание на «политику, преследуемую в этих местностях Англией»[12]. Посольская инструкция сообщала консулу, что Великобритания, «пользуясь хаджем как средством для сближения своих мусульманских подданных с арабами и приобретения через них в их среде и их начальников обаяния для себя»[13], стремилась подчинить своему влиянию священные для ислама места. Давалась и оценка этим действиям: «В наших видах не может лежать подобное увеличение значения Англии в мусульманском мире и на Востоке вообще»[14].

Конечно, в Санкт-Петербурге понимали, что бросить серьезный вызов Англии в этом регионе было делом нереальным, однако задача воспрепятствовать росту британского влияния рассматривалась как вполне посильная для российской дипломатии. Для этого консулу следовало «выставлять как благорасположение, высказываемое к исламу Русским государством и его правительством, так и желание наше сохранить в среде мусульманского мира настоящий, наиболее соответствующий его нуждам строй»[15]. Преследовалась и цель завоевания доверия турецкого султана, который бы ценил дружбу русского царя и относился к нему с «откровенной преданностью верного союзника». Трудно сказать, действительно ли в Санкт-Петербурге верили в реальность такого поворота в отношениях со Стамбулом. Но нельзя не признать, что акцент на защите самобытности господствующего в Хиджазе строя от попыток Англии изменить его позволял российской дипломатии рассчитывать на расположение местных элит и значительной части местного населения.

Никольский оценивает роль Англии

Указания, данные в начале 1890-х годов консульству, еще долго сохраняли свою актуальность. Изменения, происшедшие в мире

11. Там же. Л. 10.
12. Там же. Л. 10 об.
13. Там же.
14. Там же. Л. 11.
15. Там же. Л. 11–11 об.

и в ближневосточном регионе за полтора десятилетия, а также и в самой России, не вызвали значимых подвижек в системе задач и приоритетов работы российских дипломатов в Хиджазе. Однако в годы первой русской революции 1905–1907 годов, начало которой пришлось на завершающие этапы русско-японской войны 1904–1905 гг., в населенных мусульманами областях империи, несмотря на попытки царского правительства погасить недовольство населения, было особенно неспокойно[16]. Естественно, восприятие враждебной России работы Османской империи с паломниками как угрозы усилилось. Вызывала большее беспокойство и политика, проводимая в Аравии Великобританией, которая по-прежнему рассматривалась как опасная, несмотря на происходившее в 1904–1907 гг. постепенное складывание российско-французско-английского альянса — Антанты. Перемены в положении мусульман в Российской империи лишь незначительно сказались на ее дипломатической активности в Аравии.

Но ветры перемен коснулись и министерства иностранных дел. Поста министра 28 апреля 1906 г. лишился занимавший эту должность с 9 июня 1900 г. действительный тайный советник[17], а с 1889 г. и гофмейстер[18] Владимир Николаевич Ламздорф (25.12.1844–06.03.1907), которого относили к числу сторонников консервативного крыла в высших политических кругах империи[19]. Ламздорф, излагая свое мнение императору, в частности, полагал, что русская революция направлялась из-за рубежа «еврейским капиталом», социалистами и высшими кругами масонов. Он был решительным противником каких бы то ни было компромиссных договоренностей с Великобританией о разделе Персии на английскую и русскую зоны влияния. Министра винили в про-

16. В те годы царское правительство было вынуждено идти на некоторые уступки требованиям общественных движений с участием мусульман, о чем, в частности, гласил указ от 17 апреля 1905 г. А после Манифеста 17 октября 1905 г. было впервые разрешено создание мусульманских общественных организаций и собраний. См.: Власть и реформы. От самодержавия к советской России. Санкт-Петербург: 1999. С. 573–575; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). С. 26.

17. Гражданский чин II класса Табели о рангах, соответствовавший чинам армейского полного генерала и флотского адмирала.

18. Высокий придворный чин.

19. Ламздорфу не мешала делать карьеру, хотя и несколько портила жизнь репутация человека нетрадиционной сексуальной ориентации, о чем любили сплетничать при дворе, а изредка и в прессе.

счетах, допустивших поражение России в войне с Японией, а также критиковали за пассивность на важном для страны балканско-ближневосточном направлении ее внешней политики. После снятия Ламздорфа его в тот же день сменил Александр Петрович Извольский (6.03.1856–16.08.1919), которому в том же году был также присвоен чин гофмейстера, проработавший на этой должности до 14 сентября 1910 г.

Извольский принадлежал к числу государственных деятелей либерально-реформистского направления, отстаивавшим перед императором идеи конституционной монархии и создания в России правительства с участием либеральной оппозиции. Именно он в 1907 г. договорился с Великобританией о разграничении сфер интересов на Среднем Востоке (Конвенция, в частности, включала соглашения по Персии, предусматривающие создание трех зон — русской, английской и нейтральной)[20]. Его как сторонника сближения с Лондоном не случайно считали англофилом. На первых этапах дипломатической карьеры Извольскому довелось послужить в консульстве на Балканах, которое подчинялось императорскому посольству в Константинополе, и ближневосточная тематика ему была знакома еще с тех пор.

Посмотрим, как в этих условиях действовали сотрудники находившегося в Джидде Российского императорского консульства, которое тогда возглавлял Владимир Владимирович фон Циммерман.

Новый консул, как сообщает Г.И. Куликов[21], происходил из небогатой дворянской семьи, отец — лютеранин, мать — православная. Единственным источником дохода семьи было жалования ее главы, который скончался, когда Владимир был еще подростком[22]. Сначала юноша пошел по стопам отца, окончив Николаевское инженерное училище, но затем в его судьбе произошел поворот — он прошел трехлетний курс Учебного отделения восточных языков Лазаревского института[23] и поступил на работу в МИД. Вся его дипломатическая служба проходила в вилайетах Османской империи, но карьера складывалась труд-

20. См. об этом в: Очерки истории Министерства иностранных дел России. С. 519.

21. *Куликов Г.И.* «Курды Халебского вилайета Османской империи по донесениям Российского консула. 1913 год» // Восточный архив. 2018. № 2(38). Прим. 1. С. 63.

22. *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. С. 77.

23. Там же. С. 79.

но. Целых пятнадцать лет он был секретарем-драгоманом в российских консульствах в Трабзоне и Эрзеруме и лишь после этого получил должность вице-консула в Самсуне. Наконец, в 1898 г. был назначен на должность консула в Джидду. Здесь он прослужил дольше, чем все другие, обычно не задерживавшиеся в этом тяжелейшем по бытовым условиям городе российские консулы — вплоть до 1907 года. В Джидду он приехал уже коллежским советником[24], а в 1901 г. стал статским советником[25]. Выдерживать адский климат Джидды в течение почти десятилетия помогали все более частые отлучки в Санкт-Петербург. Во время отсутствия консула работой миссии временно руководил секретарь консульства, которого в этом качестве именовали управляющим консульством. Фон Циммерман сменил место службы в Джидде, будучи назначен на такую же должность в Алеппо, где он тоже проработал довольно долго — вплоть до 1916 г.[26], когда ему было уже 62 года.

Секретарем консульства, то есть вторым человеком в миссии, в рассматриваемый в статье период был коллежский секретарь[27] Михаил Эрастович Никольский, о жизни которого нам известно значительно меньше, чем о его начальнике.

Переписка дипломата с Российским императорским посольством в Константинополе и министерством иностранных дел в Санкт-Петербурге, которую он самостоятельно вел в качестве управляющего консульством, замещавшего консула на время его отсутствия (собственно говоря, других сотрудников, имевших дипломатический ранг, в консульстве и не было, были лишь драгоманы, или переводчики), представляет особый интерес в контексте поставленной в данной статье задачи[28]. Послом России

24. Гражданский чин VI класса, соответствовавший в армейской иерархии чину полковника.

25. Чин V класса, соответствовавший директору департамента, вице-губернатору и армейскому чину бригадира, а после упразднения последнего в 1796 г. занимавший промежуточное положение между чинами полковника и генерал-майора.

26. См. *Куликов Г.И.* «Курды Халебского вилайета Османской империи по донесениям Российского консула. 1913 год».

27. Гражданский чин, соответствовавший чину штабс-капитана в армии.

28. Источниковой базой данной статьи являются в основном секретные донесения Никольского, основная часть которых не использовалась авторами работ о хадже и российской политике в отношении паломничества российских мусульман в Аравию. В то же время дипломата характеризует и то, что им было опубликована статья в открытой печати под названием «Паломничество мусульман в Мекку» (Исторический вестник. 1911. Т. 24, апрель-май).

в Османской империи тогда был видный дипломат-востоковед, действительный тайный советник Иван Алексеевич Зиновьев[29], а директором 1-го департамента МИД[30] (эту должность он занимал с 1900 по 1906 г. выдающийся дипломат, барон и с 1904 г. гофмейстер Николай Генрихович Гартвиг (1857–1914).

Анализируя роль Англии в Хиджазе, Никольский в донесении № 576 от 9 июля 1905 г. задавался вопросом: действительно ли Англия так глубоко пустила здесь корни, как утверждала газета «Новое время»[31]? И отвечал: безусловно, да. «Кощей в русской сказке, даже не видя спрятавшегося витязя, начинает беспокоиться, что пахнет русским духом. Так и в Геджазе. Англичан самих не видно (говорю про Джидду, так как вглубь страны ни им, ни мне попасть нельзя), а британским духом здесь пахнет несомненно»[32] .

Здесь автор донесения, хорошо умевший собирать и анализировать факты, приводит убедительные аргументы. За время минувшего хаджа в Джидду пришло 116 пароходов, «национальность коих была определена», из них 92 — английские, то есть 79%, и это во время хаджа, когда в порт Джидды приходили суда и других стран. Следовательно, в обычное время процент английских судов был еще выше. А вся оптовая торговля в Джидде находилась «в руках англичан или английских индусов, владеющих здесь большой земельной собственностью». На рынке девять десятых всех золотых и серебряных монет, утверждал российский дипломат, были английскими, турецкой была лишь медь, причем серебро можно было найти только у менял.

29. Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917) после окончания Лазаревского института восточных языков служил в министерстве иностранных дел, в 1855 г., во время службы защитил диссертацию на тему «Эпические сказания Ирана» в Санкт-Петербургском университете, получив степень магистра восточной словесности, занимал различные дипломатические посты на Ближнем Востоке и на Балканах, в 1883 г. возглавил Азиатский департамент министерства, созданный в 1819 г. на основе Департамента азиатских дел Коллегии иностранных дел, в 1891 г. назначен послом при короле Швеции и Норвегии. Занимал пост посла России в Османской империи в 1897–1909 гг., являлся также почетным членом Императорской академии наук с 1901 г. и членом Государственного совета с 1909 г.

30. Так стал называться Азиатский департамент с 1897 г.

31. Эта самая известная российская газета издавалась в Санкт-Петербурге в 1868–1917 гг. — до № 234 в 1869 г. пять раз в неделю, затем ежедневно, а с 1881 г. дважды в день, утром и вечером.

32. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 74–74 об.

Управляющий консульством отмечал огромную роль индийских мусульман на хиджазском рынке[33]. «Богатые индусы порой дают обеды *каймаками*[34] (или *вали*[35], когда он здесь), на которых европейцев, кроме английского консула, не бывает»[36].

И далее в этом подробном донесении опять об англичанах: «Что Англия зарится на Геджаз — это тоже несомненно. И путей к овладению этой областью у нее немало. И с юга — распространением йеменского восстания, и в центре — возбуждением недовольных масс в самом Геджазе и, пожалуй, еще с севера»[37]. Даже в случае с вялой реакцией турецких властей на нападение бедуинов на египетский караван с *махмалем*,[38] о котором ранее консульство информировало Санкт-Петербург, виделись интриги англичан, которые предположительно искали повод для вмешательства. Впрочем, манера видеть за всеми своими бедами происки внешних врагов была всегда так или иначе характерна для многих государств, и не только в ту далекую эпоху.

Никольский делал из всего этого несколько неожиданный вывод:

> А есть ли у нас повод особенно противиться завладению англичанами этой областью, кроме общего нежелания дозволять им вести завоевательную политику? Велики ли наши интересы в Геджазе? Коммерческие? Никаких. Слабая торговля керосином и больше ничего, хотя сюда могли бы иметь доступ наш сахар, мука и лес. В политическом отношении Геджаз несомненно имеет для нас большое значение, и мы не можем равнодушно относиться к его будущей судьбе, так как ежегодно до десяти тысяч человек русских хаджей, преимущественно средне-азиатцев, приезжают сюда на поклонение. И если теперь есть основательные данные предполагать, что бого-

33. Именно эта влиятельная часть местного торгового класса в 1920–1930-е годы, уже в саудовскую эпоху, чинила препятствия работе советских внешнеторговых организаций в Хиджазе (см. об этом подробно в: *Наумкин В.В.* Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами).

34. Главный османский чиновник в Джидде.

35. Османский губернатор вилайета Хиджаз.

36. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 75 об.

37. Там же. Л. 75 об.

38. *Махмаль* — деревянный ящик пирамидальной формы, украшенный резными письменами с позолотой и укрытый накидкой из атласа и шпилями из позолоченного серебра, в котором, начиная с конца XIII века, было принято торжественно, на верблюдах в сопровождении толпы паломников, отвозить из Каира в Мекку сотканное в Египте покрывало для Каабы — *кисву*.

> мольцы с политической точки зрения выносят из хаджа очень мало хорошего, то при господстве здесь англичан всякая вредная пропаганда, конечно, увеличится.
>
> Но едва ли нам удастся охранить Геджаз от посягательства Англии. Когда это случится: через год ли, через полвека ли — сказать нельзя, но, вероятно, не миновать священной геджазской земле попасть в руки англичан[39].

Здесь, как мы сегодня знаем, прогноз российского дипломата не оправдался, хотя после Первой мировой войны Великобритания и впрямь овладела значительной частью арабских земель. С учетом того, что после Октябрьской революции внешняя политика Советской России в регионе сохраняла некую долю преемственности с императорской или как минимум советские дипломаты были хорошо знакомы с материалами их предшественников, можно лучше понять, почему они с такой симпатией отнеслись к саудовской экспансии как к фактору, ослабляющему гегемонистские поползновения британцев.

Сейчас же Никольский делал логичный для его позиции вывод: коль скоро Хиджаз нам неинтересен, а Англия им все равно или поздно овладеет, с ней надо поторговаться (идеи, зачастую самые нелепые, всякого рода дипломатических «бартерных» разменов стары, как сама дипломатия). Свою мысль, как обычно, он выражал в образной форме:

> Мы же, как в сказке, стоим перед тремя дорогами: «налево поедешь, сам погибнешь, прямо поедешь, и сам погибнешь, и коня погубишь, направо поедешь, коня погубишь». Так не лучше ли, если, действительно, потеря Хиджаза неизбежна, поехать направо, и за невмешательство в дела Англии в Аравии получить от нее по договору уступку в другом месте[40].

Как, где и что, дипломат благоразумно не брался судить.

На фоне этих философских рассуждений по поводу будущего Хиджаза коллежский секретарь ставил перед начальством и два практических вопроса, не преминув и здесь слегка накляузничать на посла в Константинополе:

39. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 76–77.
40. Там же.

> Я предложил Его Высокопревосходительству г. Послу заявить местным властям протест против незаконных поборов с русско-подданных и против отсутствия свободного выхода из города. Взяв исполнение первого предложения на себя, Его Высокопревосходительство отклонил второе — до тех пор, пока этого вопроса не поднимет другая держава. При этом г. Посол благосклонно сообщил мне о причинах своих отказов: «И мы не можем иметь влияния на ход дел в Геджазе, да и сама Турция имеет здесь мало значения». Какая же возможность есть работать при таких условиях? А при договоре с Англией все могло бы быть улажено[41].

Вывод дипломата о том, что влияние Высокой Порты в этом далеком от нее вилайете чувствовалось слабее, чем в других управлявшихся из Константинополя областях империи, подтверждался многими фактами.

Никольский учитывал и роль других держав: «Интересы у других держав, кроме нас и Англии, есть еще у Франции (до 5 тысяч паломников), у Голландии (7–8 тысяч). Приплетает сюда себя и Австрия, хотя сюда приезжает ежегодно всего 500–1000 боснийцев. Персов бывает в среднем 2–3 тысячи человек»[42]. Роль, которую могла бы захотеть играть здесь Германия, дипломат оставлял за скобками своего доклада, так как этот вопрос не входил в компетенцию консульства.

Секретарь консульства жестко отстаивает честь державы

Помимо занятий «большой политикой», дипломаты были обязаны поддерживать престиж державы и даже следить за тем, отмечает ли местная сторона российские национальные праздники поднятием флага. 9 декабря 1905 г. Никольский сообщал Гартвигу (№ 1073 и 1074), что 6 декабря, в «высокоторжественный день» тезоименитства императора Николая Второго «на казармах войск местного гарнизона не было поднято флага», хотя еще 5 декабря утром секретарь консульства известил об этом российском национальном празднике местного каймакама. Никольский писал:

> Г-н консул Циммерман сказал мне, что турки должны поднимать флаг в двух местах. Как явствует из моих личных расспросов

41. Там же. Л. 77 об.

42. Там же. Л. 77 об–78.

> и из прилагаемого при сем рапорта драгомана Воинова, все предшествующие годы флаг поднимался на двух казармах. В день английского национального праздника я видел сам, что на двух казармах был поднят флаг[43].

Поскольку османский вали не только не поздравил консульство лично, но даже не прислал поздравления по телеграфу, Никольский решил не принимать каймакама, считая, что этого шага со стороны местного правителя явно недостаточно. Обостряя ситуацию, но желая продемонстрировать твердость, он поручил драгоману передать каймакаму следующее устное послание: «Когда здесь оскорбляли меня и высказывали мне неуважение — я жаловался своему начальству, но я не могу принимать человека, высказавшему явное невнимание к моему Державному Государю»[44].

Конфликт разгорался. Каймакам передал управляющему консульством, что поднятие флага на казармах по такому случаю необязательно. Никольский стоял на своем. Он сообщал: «Но так было всегда, и я не мог оставить без внимания неуважение к нашему Императору или умаление его на глазах всего города перед Королем Английским, для которого поднимали все флаги»[45].

Любопытно, что копию первой, процитированной выше информационной части донесения Никольский направил в посольство в Константинополе, а к Гартвигу оно ушло в полном виде (двум вариантам донесения были даже присвоены два номера — один в виде его первой части, другой — в полном виде). Что же было во второй части такого, что могло не понравиться посольству?

Читая это донесение, автор статьи был готов столкнуться с очередной внутренней интригой, поскольку уже не раз убеждался (первоначально — к своему удивлению), что в столь маленьком коллективе, каковым было консульство в Джидде, велась подковерная борьба, временами напоминавшая бурю в стакане воды. Но дело было не только в этом.

Процитируем отрывок из второй части текста:

> Находясь в столь тяжелое, надо сознаться, для нас время, при умалении нашего престижа, на таком ответственном посту, как Джид-

43. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 98–98 об.

44. Там же. Л. 98 об.

45. Там же.

> да, ответственном именно потому, что местные власти не так сильно зависят от Порты, я несколько раз доносил о трудности для меня справляться с моей задачей. Твердо остановившись на политике энергичной настойчивости, а не бумажного отписывания, я не встретил ни поддержки, ни явного осуждения Императорского посольства. Меня «игнорировали» за мое неумение писать в почтительном тоне. Если бы от неполучения инструкций, например, по делу о двух освобожденных мной рабах я вызвал бы второе йеменское восстание — это была бы моя вина... На этот раз мне опять приходится быть тем злополучным «стрелочником», на которого можно свалить все вины[46].

Энергичный дипломат понимал, что посольские бюрократы не хотели брать на себя ответственность за рискованно жесткие действия в отношения невежливости турецких властей Хиджаза, предпочитая предоставить действовать младшему дипломату, от которого можно было бы в случае возникновения проблем отмежеваться. Но Никольский еще и явно хотел выслужиться, демонстрируя больше верноподданнического рвения, чем вышестоящие чины. «Что делать, — не без хитрости вопрошал он, — если достоинство России и Государя я ставлю выше личных расчетов? Я писал много раз: прикажут мне все сносить — дело другое».

Нельзя не заметить, что хотя секретарь консульства и не посылал вторую часть донесения в Константинополь, он сильно рисковал, критически высказываясь о деятельности самого Зиновьева. Прозрачно намекая на свои способности, Никольский в депеше, несколько напоминающей исповедь, подчеркивал, что успешно управляет консульством уже десятый месяц, и пафосно восклицал: «Надо жить в этом проклятой Богом глуши, чтобы ценить, что такое престиж. Десять месяцев я борюсь сам без поддержки»[47].

Михаил Эрастович, вероятно, был человеком по натуре беспримерно задиристым, склонным к жесткой, бескомпромиссной и недипломатичной реакции в тех случаях, когда, по его мнению, были затронуты престиж державы и интересы российских подданных, а главное — ущемлено его личное достоинство. К примеру, в его донесении от 2 июня 1905 г., с которым он обратился к послу в Константинополе и которое носило довольно вызывающий характер, сквозили личная обида и недовольство позицией посла:

46. Там же. Л. 98 об.–99.

47. Там же. Л. 99 об.

> Я имел честь получить от Вашего Превосходительства в ответ на мой рапорт за № 258 шифрованную телеграмму, в коей Вы изволите предлагать мне воздержаться от протеста против незаконных поборов с русско-подданных в Геджазе, так как сама Порта пользуется очень небольшим влиянием в этом крае.
>
> В другой телеграмме Вашего Высокопревосходительства, полученной мной того же числа (30 мая) Вы изволили выразить мнение, что мы лишены возможности иметь влияние на ход дел в Геджазе[48].

Тут Никольский излагал свою точку зрения, отличную от мнения высокого начальства: «Я видел, что Порта бессильна против бедуинов, что она должна считаться с шерифом Мекки, но я не предполагал, чтобы турецкое правительство не имело влияния на Геджазского Вали, чиновника, которого оно может сменить каждую минуту»[49]. Он также считал:

> в сложившихся неблагоприятных условиях мы не можем руководить событиями в Геджазе, но я не мог, к сожалению, думать, что значение наше здесь настолько ничтожно, что мы должны мириться даже с беззаконным обиранием наших подданных.
>
> Но теперь, получив надлежащие указания Вашего Высокопревосходительства, я ограничусь впредь лишь одними сообщениями фактов из местной жизни, не касаясь неисполнимых для нас изменений в строе геджазской жизни[50].

В тот же день управляющий консульством, подстраховавшись, отправил копию этого донесения в Санкт-Петербургу Гартвигу (№ 389). При всей необычной смелости донесения Никольский, как всегда, был безупречен в соблюдении правил бюрократической вежливости, завершая его привычной фразой: «С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой». Ничего не скажешь, любезен был Михаил Эрастович с начальством, даже будучи с ним несогласным. И тогда же Гартвигу были направлены копии двух секретных ответных донесений управляющего консульством послу в Константинополе (№ 388). Никольский прямо упивался своим правом отсылать в отсутствие консула де-

48. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 53–53 об.

49. Там же. Л. 53 об.–54.

50. Там же. Л. 54–54 об.

пеши за своей подписью и послу, и директору Первого департамента МИД. В сопроводительном письме он сообщал:

> Из первой из них Вы изволите усмотреть, что, желая напомнить Вали об его обещании прислать мне своих *каввасов*[51] с извинениями (рапорты мои от 14 мая № 264 и от 19 мая № 268), я, уведомляя его о приезде драгомана Воинова, высказал ему, почему я не могу представить ему нашего драгомана.
>
> В ответ на это Вали написал мне большое письмо, где главными мотивами служат по нескольку раз повторяющиеся мысли, что я пришел к нему без предупреждения, что-де он этим очень обижен, что я будто бы обнажал против каввасов шашку, что я требовал в таможне, чтобы мои вещи пропустили без осмотра, и что даже с консулом Циммерманом я нахожусь в дурных отношениях, о чем-де вали писали еще в Мекку[52].

Во второй копии содержался ответ Никольского на это письмо. Он, опять с заметной дерзостью, писал послу, что ждет его распоряжений, но в то же время: «необходимо показать туркам, что если мы любезны с ними, то и обижать себя не позволим» (явно актуально и сегодня). И далее:

> Если Ваше Высокопревосходительство не желаете или не можете в данное время оказать мне в этом деле свою мощную поддержку, то покорнейше прошу Вас дать мне полную свободу действий. Резкостей я не наделаю, а дело буду тянуть до приезда консула.

Но тут Михаил Эрастович не устоял перед искушением дать свою критическую оценку позиции консула, предугадывая его возможные действия (видимо, вали, говоря о неприязненных отношениях между консулом и секретарем был не так уже неправ):

> Если же вернется г. Циммерман (не желавший сюда возвращаться, что он не скрывал ни от кого), то ему, по его характеру и взглядам, ничего не будет стоить пойти на какие угодно уступки и даже послать меня извиняться к Вали, чему я покорюсь как секретарь, но чего я не могу сделать как управляющий, обязанный

51. *Каввас* — слуга, охранник, также носильщик.

52. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905. Оп. 482. Д. 779. Л. 56–56 об.

> держать престиж русского имени, как в старину писалось, «честно и нерушимо»[53].

Ненавязчиво показав начальству, что он гораздо лучше защищал честь русского имени, чем фон Циммерман, Никольский продолжал: «Иной образ действий Вашего Высокопревосходительства по отношению ко мне, если даже Вы найдете меня неправым, заставить турок “зазнаться” и потерять и последнее уважение к Консульству. Они и не любят меня, но со мной, видимо, считаются». Что же, тезис о том, что партнер/противник считается только с тем, кто проявляет по любому поводу жесткость, силу и неуступчивость, всегда был популярен у политиков. Никольский при этом оговаривался, допуская, что посол сочтет его действия неправильными, но просил и в этом случае сохранить его лицо перед турками: «Подвергните меня тайному для турок дисциплинарному наказанию, больного и измученного этой жизнью, но сохраните непоколебимым престиж дорогого русского имени»[54]. Депеши послу он завершал гораздо более сдержанно, чем направляемые директору департамента: «Примите и пр.».

А о прибытии на службу в консульство драгомана обиженный на вали управляющий консульством информировал того 29 мая 1905 г. (№ 375) с привычной резкостью:

> Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что в Императорское Консульство прибыл драгоман из рода татарских мирз г. Воинов.
>
> К сожалению, я не могу представить Вам его лично, так как я боюсь идти в Ваш дом, где я подвергся оскорблению. Не прислав кавасов с извинениями, несмотря на свое обещание, Ваше Превосходительство этим самым показали, что Вы являетесь потатчиком и защитником лиц, нанесших оскорбление управляющему Российским Консульством.
>
> Послать к Вам г. Воинова я тоже не могу. Уж если управляющий Консульством в форме может подвергаться оскорблениям, то чего же ожидать для драгомана, когда он придет один»[55].

53. Там же. Л. 57–57 об.

54. Там же. Л. 57 об.

55. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 41–41 об.

Выражая надежду, что вали в дальнейшем защитит его от оскорблений, Никольский завершал послание уж совсем лапидарной концовкой: «Комплименты. Подписано /Никольский/».

В уже упоминавшийся день исключительно щедрый на переписку 2 июня дипломат отправил вали еще одно послание, опять полное упреков (№ 386):

> Ваше Превосходительство, вместо того, чтобы наказать виновных каввасов, Вы уделяете в своем письме много места их лжи: будто бы я вынимал саблю против ваших каввасов. Ложь эта очевидна потому, что я был не один, а с моим каввасом, которому нет основания лгать. А Ваши каввасы говорят неправду, боясь наказания за свой поступок.
>
> Предупреждать Вас о своем приходе я не обязан. Если я прихожу не вовремя, то Вы можете меня не принять. Совершенно безразлично, пришел ли я с предупреждения или без предупреждения. Я был в форме, и каввасы Ваши прекрасно меня знали. Пришел я вовсе не в сумерки, а в 5 часов, когда было совершенно светло[56].

После изложения деталей происшествия Никольский вспоминал, как он помогал местным сановникам, и упрекал вали в неблагодарности:

> Когда агент отказал г. каймакаму в трех билетах на пароход до Константинополя за половинную цену, я тотчас пошел сам к агенту и устроил это дело. А любезность Вашего Превосходительства только на словах, и Вы даже не желаете прислать с извинениями грубых каввасов[57].

Особенно был Никольский задет рассуждениями вали по поводу отношений между секретарем и консулом: «В каких я был отношениях с Консулом Циммерманом — это Вашего Превосходительства вовсе не касается, и неудобно даже для такого большого сановника, как Вы, писать какие-то базарные сплетни». «Жаль, — язвил секретарь, — что Вы еще не написали, что Вы слышали, что я зарезал своего отца и отравил свою мать»[58]. Никольский просил вали оставить его частную жизнь в покое.

Но запас упреков в адрес вали у секретаря консульства, кажется, был неисчерпаем. Теперь еще один — в нарушении протоко-

56. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 48–48 об.

57. Там же. Л. 49 об.

58. Там же. Л. 49 об.–50.

ла: «Я оказал Вам большую внимательность: я был у Вас с визитом в полной парадной форме, как Вы сказали моему посланному, а Вы были у меня в домашней одежде».

«Теперь настала Ваша очередь показать, — рассуждал Михаил Эрастович, — насколько Вы уважаете Русское Императорское Консульство. Если Вы, действительно, уважаете его, то пришлете каввасов извиняться, чем и кончите эту историю»[59].

И далее несколько издевательски (уж очень российский дипломат не любил вали, хотя, может быть, и любить того было вовсе не за что): «Если же Вы обижены, хотя и оставили меня обедать, что я пришел без предупреждения, то я не знал, что здесь такой обычай, и готов извиниться перед Вами за его нарушение по принесении мне извинения каввасами»[60]. Такая «дипломатия»: без личных извинений и никаких уступок. Концовка, как и ранее, символична: «Комплименты. Подписано /Никольский/».

Изучение внутриполитической ситуации в Хиджазе

Это направление было также важным в работе дипломатов, и управляющий консульством здесь старался изо всех сил показать себя. 1 мая 1905 г. (№ 243) он сообщал Гартвигу, что солдаты мекканского гарнизона отказались ежедневно сопровождать караваны паломников, так как переутомились и нуждаются в отдыхе, и теперь эти караваны стали отправляться только раз в неделю. Интерпретируя этот факт, дипломат рассматривал его как одно из «неповиновений и возмущений» солдат, свидетельствовавших о ненадежности войск. Отношению высших чинов к солдатам давалась самая нелестная характеристика: «С солдатами то обходятся грубо, заставляя их голодать, то при брожении и угрозах переходят к усиленной любезности, доходящей до распущенности» [61].

Никольский делал довольно смелый вывод, что в Хиджазе уже готова почва «для всяких волнений и переворотов». К этому добавлялось то, что бедуины, а они были хорошо вооружены, «были недовольны как вали, так и шерифом за поборы и притеснения; горожане недовольны не менее»[62].

59. Там же. Л. 50–50 об.

60. Там же. Л. 51.

61. АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 779. Л. 21.

62. Там же. Л. 20 об.

Ситуация в глазах дипломата выглядела еще более тревожной, поскольку «арабы ненавидят турок, турки же беспечны, ленивы и вместе с арабами главную цель своего существования сводят к удовлетворению своего ненасытного корыстолюбия»[63]. Если дело обстояло действительно так, и дипломат не сгущал краски (чего нельзя в полной мере исключить с учетом общей склонности консульских сотрудников к некоему алармизму), о какой уж тут «надежности войск» можно было говорить! Из других источников мы знаем, что враждебность к туркам среди арабов, действительно, существовала и постепенно росла, хотя до их большого антитурецкого восстания оставалось, как мы знаем, еще более десятка лет[64]. Причем местное население критически относилось и к своим, арабским шерифам-хашимитам. Тем не менее, Никольский бил тревогу, но на всякий случай оговаривался, допуская, что его оценка может быть и неточной:

> Вопрос об этом настолько серьезен, что, считая долгом сообщать Вашему Высокопревосходительству о фактах текущей жизни, я не нахожу в данное время для себя возможным окончательно высказать Вам свои соображения, еще не ознакомившись со всеми деталями. Сильно мешает мне работать в этом направлении запрещение выезжать из города без турецких соглядатаев[65].

Одновременно Никольский продолжал продвигать идеи в направлении усиления контроля за паломниками и защиты их прав. В донесении от 9 июля 1905 г. (№ 569), направленном в Первый департамент (копия в посольство), он запрашивал разрешения

> осуществить мысль г. Тухолки[66] и образовывать, по мере возможности, из русско-подданных, едущих в Мекку обыкновенно компаниями земляков, небольшие артели для охраны вне Джидды имущества умерших хаджей без юридической ответственности, кроме как за преступления общего характера[67].

63. Там же. Л. 21.

64. Имеется в виду инспирированное англичанами начавшееся в Хиджазе 8 июня 1916 г. арабское восстание против турок.

65. Там же. Л. 21–21 об.

66. Тухолка, Сергей Владимирович — предшественник Никольского на посту секретаря консульства.

67. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 64–64 об.

Как мы помним, инициативы по защите прав российских подданных и предотвращении разграбления имущества умерших во время хаджа из их числа выдвигались сотрудниками консульства с момента его учреждения, но всегда уходили в песок, а число погибших паломников росло и, соответственно, пропадало все больше имущества. Секретарь консульства в том же донесении приводил тревожные цифры, которые ранее уже сообщал в МИД консул:

> В Мекке, без сомнения, пропадает громадное количество наследств. Консул г. Циммерман в своем донесении от 16 июля 1903 г. (в Посольство) находит, что за хадж 1902–3 года умерших русско-подданных в Геджазе было не менее 2 000, тогда как в списке покойников, представленном им за это время, значилось немногим более 200 умерших. Если даже считать, что хадж 1902–3 года был исключительным по массовому избиению бедуинами паломников, все же масса наследств пропадает бесследно или доходит наполовину обворованными[68].

Таким образом, паломники погибали как от естественных причин, так и от рук бедуинов, промышлявших грабежами. Никольский вновь предлагал: «Смею напомнить, что я доносил о желательности иметь в Джидде секретарем мусульманина, который, совершая хадж, охранял бы наследства и защищал бы русско-подданных, как это делает английский вице-консул»[69].

Участившиеся нападения местных бедуинов-разбойников на караваны в этот период были предметом особой озабоченности консульства. Сотрудники консульства подозревали, что к резонансному грабежу египетского каравана, который вез в Мекку махмаль, был причастен сам османский вали. По этой версии, он натравил на караван бедуинов, чтобы навредить египтянам, и российские дипломаты не исключали, что за этим стояли англичане. 1 мая 1905 г. Никольский писал Гартвигу (№ 246):

> Говорят, что нападение бедуинов на священный египетский караван (телеграмма моя от 13 апреля с.г.) произошло не без ведома или даже при участии самого вали. Отношения между между египтянами и турками после англо-французского соглашения приняли еще

68. Там же. Л. 64 об.

69. Там же. 64 об.–65.

> более острый характер, и последние готовы делать египтянам каверзы на каждом шагу[70].

И далее:

> Едва ли эти установившиеся скверные отношения (как и сама история нападения бедуинов на махмаль) не поддерживаются и самими англичанами. Пока что они сумеют сдержать эту разгорающуюся ненависть, а при удобном случае сумеют и произвести желаемую для себя вспышку и создать благоприятный для вмешательства инцидент. Пока же и договор не настолько упрочился, да и в Геджазе не все обстоит так, как хотелось бы этого гг. англичанам[71].

Управляющий консульством обращал внимание руководства департамента к тому, что турецкая администрация не проявила в этом деле «желательной энергии». Слишком долго собирался конвой для махмаля, и он все равно не обеспечил надежной охраны, что могло объясняться и тем, что в Мекке, а в особенности в Медине, не имелось «достаточного количества войск».

Продолжая информировать МИД о растущем влиянии Великобритании в Хиджазе, дипломат в донесении за № 576 от 9 июля 1906 г. под грифом «Совершенно секретно» высказывал возмущение по поводу опубликованной в «Новом времени» заметке на эту тему, в которой России давался совет заключить договор с Турцией, чтобы гарантировать неприкосновенность священных мусульманских городов. Выражаясь привычно образным для него языком, Никольский рассуждал:

> Ну что может дать союз с Турцией, существующий лишь благодаря нарождению восточного вопроса? Допустим, что мы заключаем союз с Турцией, и вскоре после этого поднимается восстание арабов. Если Англия поддержит их открыто, решимся ли мы на войну с ней даже в союзе с Турцией? Пресловутая легкость вторжения в Индию как бы не оказалась похуже «каких-то макаков», как перед войной с Японией мы называли нашего врага. А в другом месте для нас Англия слабо уязвима, а тягаться с ней в Аравии для нас прямо недо-

70. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 22–22 об.

71. Там же. Л. 22 об–23.

> ступно. Дойти до Аравии сухим путем едва ли возможно для большой армии, а по морю Англия не пустит[72].

Автор донесения рассматривал и другой гипотетический сценарий — когда Англия не вмешается в конфликт открыто, но поддержит восстание тайно, как она это делала в то время в Йемене. «Допустим, что при этом мы, согласно договору с Турцией, пошлем свои войска в Геджаз, — рассуждал Никольский, — может ли Оттоманская Порта, с которой мы будем в союзе, заставить Англию не посылать в Аравию своих войск? Пошлет войска и Англия, пошлют и другие державы. Делить тут нечего, да нам при дележе, пожалуй, один хвост останется при нашем нынешнем положении»[73].

Секретарь допускал и третий сценарий, при котором союз России с Турцией удержит Англию от вмешательства.

> Мы не пошлем войск, не пошлет их Англия, не пошлют и другие державы. Тогда арабы выгонят отсюда турок, а потом, когда нужно будет унять их своеволие, Англия найдет удобный предлог вмешаться. Во всех трех случаях союз с Турцией для охранения Геджаза оказывается бесполезным[74].

Но этими тремя сценариями не исчерпывались варианты возможного развития ситуации в случае создания союза между Россией и Турцией.

> Нельзя ли по занятии Геджаза международными войсками устроить из этой территории, как предполагают некоторые, нейтральное государство?
>
> Общину, пожалуй, можно устроить и из волков, но только при условии, чтобы на трех-четырех волков приходилось по льву, охранителю порядка. А кто же будет охранять порядок в нейтральном государстве Геджаза? Турция, которой, из нежелания ее интриг, тогда придется предложить удалиться отсюда, уведет и свои войска. Без твердой же охраны, силу которой чувствовали бы грабители бедуины, никакой порядок в Геджазе немыслим[75].

72. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 70 об.–71.
73. Там же. Л. 71–71 об.
74. Там же.
75. Там же. Л. 71 об.–72.

А все войска и вся администрация в Хиджазе могут быть только мусульманские, справедливо считал Никольский, «ибо тем то и свята особенно Мекка, что священной ее земли еще не осквернила нога неверного (конечно, нечего считать европейцев не-мусульман, проникавших в Мекку под видом богомольцев)». Вроде бы создать здесь такие вооруженные силы и такую администрацию нетрудно, рассуждал дипломат: «У англичан мусульмане — индусы, у французов — алжирцы и тунисцы, у голландцев — яванцы, у австрийцев — босняки, у нас тоже немало мусульман найдется»[76].

Дипломат продолжал размышлять: еще непонятно, что произойдет, если в Мекку послать мусульманские войска всех стран с мусульманскими офицерами. У них и веры больше, и религиозного чувства.

> А ну как всколыхнется зеленое знамя пророка, и сам шериф Мекки, святой потомок Магомета, стесненный в своих религиозно-финансовых операциях по обиранию паломников, призовет к газавату? Не опасная ли это попытка, и не будем ли мы, хлопоча о нейтральном государстве, таскать для других из огня каштаны? И просто оно, как будто, это нейтральное государство, и не так-то просто[77].

Что же может в этом случае, по мнению дипломата, еще произойти? «Сколько будет ссор из-за первенства, а в результате между отдельными нациями мусульман может даже вспыхнуть вражда»[78]. А такая вражда интересам России никак не соответствовала.

Но, увы, здесь Никольский был прав. Как мы знаем сегодня, спустя более 115 лет после того времени, к которому относится данная дипломатическая переписка, ссоры, борьба за первенство и вражда между «отдельными нациями мусульман», к нашему великому сожалению, стали нормой жизни. Был Михаил Эрастович прав и размышляя об опасности вмешательства внешних сил с целью столкнуть мусульман друг с другом и подчинить своему влиянию. Как уже отмечалось, в качестве главной такой силы ему везде виделась Великобритания.

76. Там же. Л. 72 об.

77. Там же. Л. 73.

78. Там же.

Да как еще Англия оставит индусов с русско-подданными без присмотра англичан. Но у англичан, впрочем, есть немало соотечественников мусульман, да и при нейтрализации Геджаза, наверное, найдется много и других охотников до этого, и снова все будет подчинено английскому влиянию, если не все окажется в английских руках.

Наконец, как отнесутся арабы и бедуины к новым порядкам? В настоящее время арабы ненавидят турок. Но за что? Отнюдь не за строгости, а потому, что турки тем или иным образом отбирают у них больше половины доходов от паломников[79].

Российский дипломат вскрывает пороки хиджазского общества

Никольский понимал все масштабы коррупции, поразившей административную систему Хиджаза, что предопределило его падение всего через два десятка лет под натиском того упорядочивающего, хотя и жестокого очищения, который несли войска Абдель Азиза бин Сауда. В коррупционную систему, питающуюся субсидиями из османского центра и доходами от паломников, были вовлечены как местная хиджазская администрация, так и турецкие чиновники. Бедуинские же племена, нападений которых так боялись иностранные дипломаты, находились в столь тяжелом положении, что кроме грабежа часто не находили иного средства существования. Впрочем, грабить караваны было легче, да и занятие это существовало в Аравии веками. «Бедуины, не получая почти субсидий, посылаемых правительством, — писал управляющий консульством, — так как деньги эти сильно тают по карманам администрации, тоже ненавидят последнюю. Турки же боятся арабов, чувствуя, что их каждую минуту могут выгнать из Геджаза, где они лишь пришельцы, захватившие власть силой и ненавидимые народом»[80].

Хотя Никольский в своих оценках всегда сгущал краски, он, в принципе, верно предугадал подъем арабского национализма и взрыв антитурецких чувств (пока еще часто подспудных) в регионе. Он не жалел слов в описании морального разложения, работорговли и беззастенчивого бизнеса на святом паломничестве, недовольство которыми в недалеком будущем приведет к поражению турок и хашимитской элиты. «Допустим, что введется народное мусульманское

79. Там же. Л. 73–73 об.

80. Там же. Л. 73 об.–74.

управление, — писал он все в том же донесении № 576. — Что выиграет край, если все старые геджазские безобразия не изменятся? А если начать их изменять, не вызовет ли это возмущения? Все живут здесь лишь доходами от богомольцев, причем доходы с богомольцев, доходы эти состоят главным образом из обирания паломников, обманов их и воровства их вещей, а в пустыне и, вообще, со стороны бедуинов, нередко и в городах — грабежей и разбоев»[81].

Попытки покончить с этими пороками, считал Никольский, могли бы вызвать «большое неудовольствие». Конечно, турки много брали себе, но не мешали и другим «обирать как угодно паломников».

Негодуя по поводу еще сохранявшегося в Хиджазе рабства, дипломат восклицал:

> А вопрос о невольничестве? В Мекке и сейчас в 7–8 лавках открыто продают рабов и рабынь, в Медине тоже. Как уничтожить этот позорный торг без вспышки народа? Сами мусульманские войска могут оказаться на стороне зачинщиков беспорядка, а если пустить в Геджаз войска немагометанской религии, то 200 миллионов исламитян поднимутся во всем мире на защиту поруганной святыни.
>
> Не так-то легко устроить это международное государство[82].

Несмотря на то, что Никольский не так много времени провел в Джидде, он, благодаря своей бьющей через край активности, сумел разобраться во многих хитросплетениях местной политической жизни. Хотя его многочисленные депеши не лишены поверхностности и умозрительности.

Став на время управляющим консульством, упрямый коллежский секретарь не боялся давать яркие и часто беспощадные характеристики высокопоставленным местным сановникам, смело вторгался в закрытую для посторонних систему клановых и племенных связей, вырабатывал и тут же сообщал начальству свои, не всегда тщательно продуманные рекомендации, в том числе по весьма щекотливым проблемам. Остается удивляться, как, будучи фактически единственным дипломатом в консульстве и работая в ужасающих климатических и бытовых условиях Джидды, он умудрялся собирать столь большой объем информации, проводя необходимое число встреч, успевать анализировать ее и регулярно направлять

81. Там же.

82. Там же. Л. 74 об.

в МИД и в посольство в Константинополе довольно объемные, написанные от руки (!) каллиграфическим почерком депеши. Имелся ли в штате консульства технический сотрудник, которому дипломат мог надиктовывать свои донесения, мы точно не знаем, но для этого тот наверняка должен был бы иметь допуск к секретной документации, что трудно себе представить. Видимо, управляющий консульством писал сам, да и почерк в депешах всегда один и тот же, его. А минусом его информационной работы являлось то, что зачастую дипломат просто пересказывал многочисленные слухи.

Осенью того же года в Хиджазе обострилась борьба за должность великого шерифа после смерти прежнего. В донесении № 902, направленном под грифом «Секретно» 30 сентября 1905 г. Гартвигу, Никольский писал:

> Между турецкими чиновниками в Джидде циркулирует следующий слух: нынешний вали Геджаза, когда шерифом был назначен Абдулла-паша, написал будто бы в Константинополь: «Если вы оставите шерифом Абдуллу, вы не должны рассчитывать на те огромные суммы дохода, которые вы получаете теперь от Геджаза. Абдулла не будет продолжать старого порядка» (можно сказать: вымогательства и грубого произвола). «Если вы хотите его оставить, то необходимо взять с него расписку, что он обязуется ежегодно доставлять вам известную сумму. Лучше же всего оставить Али-пашу (*вакиля*[83]), который ничего делать не будет». Насколько это верно — судить трудно, но рассказывают все[84].

Далее Михаил Эрастович предлагал свой, весьма смелый и трудно проверяемый анализ расстановки сил в руководстве Хиджазом.

> С одной стороны, судя по общему мнению, Абдулла-паша разойдется во взглядах с теперешней шайкой грабителей, но и Али-паша, судя по рассказам мекканцев, тоже, видимо, не склонен к притеснениям и вымогательствам. Позволю себе привести несколько щекотливый, но весьма характерный факт[85].

Здесь управляющий консульством затрагивал тему, о которой все хорошо знали, но о которой было не очень принято громко гово-

83. Заместителя.

84. АВП РИ. Ф. Политархив. 1905 г. Оп. 482. Д. 779. Л. 85–85 об.

85. Там же.

рить вслух — о процветавшей в Хиджазе проституции. При этом дипломат, осуждая некоторых местных жителей, весьма почтительно отзывался о массе паломников.

«Как известно, проституция в святом городе весьма сильно развита. Надо отдать честь хаджам — большинство их, строго следуя Корану, не дает дохода меккским куртизанкам. Но арабы во время хаджа, наоборот, ведут особенно невоздержанную жизнь, имея в своем распоряжении золотой дождь денег хаджей»[86]. Под этими людьми дипломат имел в виду, конечно, не арабов вообще, а развращенную местную элиту.

«Власти охотно допускают проституцию, — писал Никольский, — но она при покойном шерифе облагалась в его пользу такими большими поборами, что лишь самые известные прелестницы могли удовлетворить алчное корыстолюбие потомка Магомета и его клики. Большинство же донзелей[87] убегало при притеснениях в Джидду, где, может быть, доходы и не так велики, но зато вернее. При первом же известии о смерти шерифа все сии дамы отправились в открыто возликовавшую Мекку. Прошло уже несколько месяцев, но Джидда не видит их ни массового, ни единичного прибытия. Это явный показатель, что теперь даже их не подвергают большим поборам»[88].

Никольский весьма позитивно отозвался о вакиле покойного великого шерифа Али-паше, исполнявшем после его смерти его обязанности и отличавшемся «справедливостью и честностью». Он сообщал, что после разграбления домов фаворитов бывшего великого шерифа вся Мекка вздохнула свободно. В то же время было неясно, вступит ли вакиль в борьбу с вали, если останется на своем посту, «но вали во всяком случае он приятнее своего брата хотя бы в том отношении, что при Али-паше ему, может быть, удастся сохранить свое место, а Абдулла-паша его ненавидит и выживет»[89].

Самой неожиданной новостью были упорные слухи о возможном упразднении турецким правительством института эмирата, которые дипломат с удовольствием пересказывал. Великий шериф Мекки, в соответствии с законами Порты, считался эмиром, т. е. правителем Мекки, хотя и не совсем обычным, так как он

86. Там же. Л. 85 об.–86.

87. Франц. *donzelle* — женщина легкого поведения.

88. Там же. Л. 86–86 об.

89. Там же.

рассматривался населением, в первую очередь, еще и как духовный глава мусульманской общины всего Хиджаза. Никольский, по своему обычаю, задавался вопросом: выгодно ли нам упразднение «эмирства» в Геджазе? По этому поводу он высказывал начальству следующие соображения:

> Прежде всего, выгодно ли для нас, даже с политической точки зрения, не принимая во внимание хадж, чтобы в Геджазе были беспорядки? При крупных историях, как я это уже рассматривал подробно, Англия не преминет воспользоваться ими под тем или иным предлогом, воспользуясь, вероятно, восстановлением нарушенных прав Египта, паломники которого весьма легко могут пострадать от общей суматохи[90].

Но не все было так однозначно. «С другой стороны, едва ли для нас и выгодно, чтобы между арабами и турками восстановилось полное согласие. Пусть Аравия с ее беспокойным элементом отнимает у Турции известную часть сил и внимания»[91]. Иначе говоря, начальству предлагалось решить, что выгоднее в Хиджазе для России: порядок, статус-кво или же некий хаос, который мог бы ослабить Турцию.

Дипломат подробно рассматривал различные аспекты влияния института эмирата или его уничтожения на ход дел в Хиджазе. Он следующим образом подводил итог своим рассуждениям:

> 1) Хороший эмир подберет и хорошего вали. Все будет тихо, мирно и спокойно, но существование эмирства, этого вечного, хотя и молчаливого, укора ислама светской власти турок, уничтоживших халифат[92], само по себе уже служит гарантией, что рознь и ненависть, существующие между турками и арабами, не ослабнут.
> 2) Хороший вали один без шерифа не установит порядка. Все его добрые начинания будут разбиваться об увеличившуюся ненависть, которую разожгут фанатики, мстя за уничтожение эмирства (все поймут, конечно, что вакиль шерифа явится лишь марионеткой в турецких руках, которая должна со временем исчезнуть).

90. Там же. Л. 86 об.–87.

91. Там же.

92. Здесь Никольский ошибался: турецкий султан одновременно, как и ранее, являлся и халифом, халифат был отменен лишь при Ататюрке в 1924 г.

> 3) Эта ненависть, если и сдерживаемая хорошим управлением вали, прорвется при скверном вали, который начнет вымогать деньги. А надо предполагать, что ради крупных доходов турецкое правительство предпочтет, пожалуй, плохого вали хорошему, не умеющему вымогать деньги.

Никольский утверждал, что прежний шериф и вали «грабили вместе». Но воспоминания об этом сгладятся, и «фанатики не перестанут превозносить идею эмирства, приписывая все хорошее бывшим шерифам. Крупные беспорядки могут возникнуть легко». И далее:

> 4) При плохом Эмире дела, конечно, проигрывают.
>
> Но, с другой стороны, где гарантия, что мы что-нибудь выиграем от уничтожения эмирства?
>
> Правда, турки, чуть чего — при волнениях и разбоях бедуинов — ссылаются на Шерифа, но это только один предлог. Будет шериф или нет — бедуины останутся, и власти должны будут считаться с ними еще более, чем прежде, пока не изменится эта система корыстолюбия и вымогательств. А раз система изменится, раз бедуинам будут выдавать следуемые им деньги и не воровать присылаемый им хлеб, они сами помогут туркам против шерифа, караваны которого они не стесняются грабить и теперь[93].

В заключение автор донесения хотя и подчеркивал, что не берется делать окончательного вывода, но на самом деле его делал:

> С бедуинами я имел мало дела, получив приказание не настаивать на праве свободного выхода из города и не входить с кочевниками в сношения. Однако, мне кажется, что шериф Абдулла-паша, столь всеми уважаемый, будет лучше вали, подобного теперешнему, который не постеснится ограбить и родного отца.

Заключение

Анализ донесений и отчетов секретаря консульства Российской империи в Джидде М.Э. Никольского в 1905 г., а также инструкций и поручений министерства и посольства в Турции позволя-

93. Там же. Л. 87–88 об.

ет сделать вывод о важности «исламской» составляющей их деятельности и выделить шесть основных ее направлений.

1. Изучение внутриполитической ситуации в вилайете, в том числе расстановки сил в правящей элите, роли Порты, отношений между турками и арабами, вали и шерифом, бедуинскими племенами и властями, роли бедуинских племен, задач и действий турецкого воинского контингента и т. д.

2. Сбор информации о недружественной России деятельности как турецких чиновников, так и представителей иностранных держав.

3. Изучение маршрутов, по которым паломники прибывают в хадж.

3. Ограждение паломников от влияния радикально-исламистских и националистических идей. Выявление лиц, ведущих враждебную интересам России индоктринацию, и мест, откуда она велась.

4. Изучение санитарно-медицинской обстановки в главных городах вилайета. Немедленное информирование Центра о случаях заразных инфекционных заболеваний в вилайете во время хаджа.

5. Работа с паломниками по ограждению их от недобросовестной деятельности посредников (далилей, владельцев верблюдов и помещений и др.).

6. Сбор информации о случаях нападения на паломников, оказание им посильной помощи, поддержание необходимых контактов с местной стороной для улучшения ситуации с безопасностью во время хаджа.

Внешнеполитические задачи в работе дипломатов были тесно сопряжены с внутренней ситуацией в России, где обеспечение лояльности мусульманского населения власти в непростой период было одним из императивов для всех ведомств, ведающих вопросами ислама.

В переписке с Центром временно управлявший консульством секретарь активно пользовался возможностью высказать свои оценки внутриполитической обстановки в вилайете и весьма смелые предложения по работе с паломниками. На деятельность дипломатов оказывали большое воздействие их личные качества и амбиции, и на это накладывались отношения соперничества и даже неприязни между ними.

Библиография / References

Архив внешней политики Российской империи. Фонды: Посольство в Константинополе; Политархив; Турецкий стол.

Арапов Д.Ю. «Государственное регулирование ислама в Российской Империи» // Pax Islamica. 2011. 2(7).

Власть и реформы. От самодержавия к советской России. Санкт-Петербург: 1999.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. Москва: Институт Африки, Академкнига, 2001.

Ишаев Ш. «Мекка, священный город мусульман (Рассказ паломника)» // Средне-Азиатский вестник. Ежемесячный научно-литературный журнал. Ноябрь, 1896 год. Ташкент: Ф. и Г. бр. Каменские, 1896.

Кузнецов В.А., Наумкин В.В. «Дежавю: средневековые мотивы в современной арабской политической мысли» // Вестник МГИМО(У). 2019. 12(4). С. 38–53.

Куликов Г.И. «Курды Халебского вилайета Османской империи по донесениям Российского консула. 1913 год» // Восточный архив. 2018. № 2(38).

Наумкин В.В. Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между двумя мировыми войнами. Москва: Аспект Пресс, 2018.

Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015.

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [The Foreign Policy Archive of the Russian Empire]. Fondy [Funds]: Posol'stvo v Konstantinopole [Embassy in Constantinopole]; Politarkhiv [Politarchive]; Turetskii stol [Turkish Table].

Arapov, D.Yu. (ed.) (2001) *Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniia, statistika)* [Islam in the Russian Empire (legal acts, descriptions, statictics)]. M.: Institut Afriki, Academkniga.

Arapov, D.Yu. (2011) "Gosudarstvennoe regulirovanie islama v Rossiiskoi Imperii" [State Regulation of Islam in the Russian Empire], *Pax Islamica* 2(7).

Ishaev, Sh. (1896) "Mekka, sviashchennyi gorod musul'man (Rasskaz palomnika)" [Mecca, the Sacred City of the Muslims (Story of a Pilgrim)], The Central Asian Herald. Sredne-Aziatskii vestnik. Ezhemesiachnyi nauchno-literaturnyi zhurnal. Noiabr', 1896 god. Tashkent: F. i G. br. Kamenskie.

Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. (2019) "Dezhaviu: srednevekovye motivy v sovremennoi arabskoi politicheskoi mysli" [Déjà vu: Medieval Motives in the Modern Arab Political Thought], *Vestnik MGIMO(U)* 12(4): 38–53.

Kulikov, G.I. (2018) "Kurdy Khalebskogo vilaieta Osmanskoi imperii po doneseniiam Rossiiskogo konsula. 1913 god" [Kurds of the Vilayet of Haleb of the Ottoman Empire in the Dispatches of a Russian Consul. 1913], *Vostochnyi Arkhiv* 2(38).

Naumkin, V.V. (2018) *Nesostoiavsheesia partnerstvo. Sovetskaia diplomatiia v Saudovskoi Aravii mezhdu dvumia mirovymi voinami* [Unfulfilled Partnership. Soviet Diplomacy in Saudi Arabia between the Two World Wars]. M: Aspect Press.

Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. (2015) *Siriia nakanune i v period Mladoturetskoi revoliutsii. Po materialam konsul'skikh donesenii* [Syria before and during the Young Turks Revolution. On the Basis of Consular Dispatches]. M.

Vlast' i reformy. Ot samoderzhaviia k sovetskoi Rossii [Power and Reforms. From the Monarchy to Soviet Russia] (1999). St. Peterburg.